

Первого.

Вагон первый.

Надя.

Александра
Разина

Александра Разина
Первого. Вагон первый. Надя.

«Автор»

2026

Разина А. П.

Первого. Вагон первый. Надя. / А. П. Разина — «Автор», 2026

Когда Люда опрометчиво решила выдать себя за сестру, она и не подумать не могла, какой груз тайн достанется ей в наследство. Ведь чужая жизнь – это не только чужие вещи и чужая репутация, это еще и чужие проблемы. Не успела девушка и глазом моргнуть, как оказалась затянута в водоворот опасных событий и сомнительных связей. Шантаж, угрозы, обвинения в убийстве – все то, о чем она читала в книгах, стало ее новой реальностью, а игра в переодевание превратилась в игру на выживание.

© Разина А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Разина

Первого. Вагон первый. Надя.

«Самая обычная и распространенная причина лжи есть желание обмануть не людей, а самих себя».

Лев Толстой

Глава 1

Люда стояла у края платформы и задумчиво смотрела на залитые предзакатным солнцем железнодорожные пути. Вчера она получила от сестры SMS состоящее всего из четырех слов: «Первого. Вагон первый. Надя». Это сообщение таило в себе элемент недосказанности, но Люда не стала перезванивать. Так уж повелось, что Надя всегда связывалась с ней первой. Собственно говоря, она во всем была первой. Первой появилась на свет. Первой научилась ходить, говорить, читать и считать. Первой проколола уши, научилась плавать и кататься на двухколесном велосипеде.

Когда в детском саду ее спрашивали: «Девочка, где ты живешь?», она всегда говорила одно и то же: «Одиннадцатый микрорайон, одиннадцатый дом, первый подъезд, первый этаж, первая квартира». Быть номером один для нее было так же естественно, как дышать. После окончания школы она, как и Люда, поступила в Институт филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, который закончила с отличием, однако работать по специальности не стала.

«Для девушки главное – удачно выйти замуж, а мужчин в школе – раз, два и обчелся!» – заявила она сестре, после чего собрала чемодан и отправилась к тете в столицу.

В белокаменной Надя времени даром не теряла. Вставала рано, ложилась поздно, а в промежутке – бегала с собеседования на собеседование. Девушка она была целеустремленная и напористая, добиваться своего умела, поэтому полгода постоянного "хождения по мукам" не прошли даром. В один прекрасный день симпатичной и расторопной соискательнице было предложено место администратора в сетевом пятизвездочном отеле. Надя с радостью согласилась и следующие одиннадцать месяцев, она, мило улыбаясь, заселяла и выселяла богатеньких туристов, менеджеров промышленных предприятий и их праздных отпрысков. Ну а потом произошло то, что в современном мире произойти практически не может – ей, обычной девушке из «уездного города N», удалось покорить сердце сына достаточно крупного московского бизнесмена.

«Слава влюбился в меня окончательно и бесповоротно! Думаю, свадьба не за горами!» – хвасталась Надя сестре.

И оказалась права. Правда, вместо пышного торжества ей пришлось довольствоваться скромным бракосочетанием. Родители жениха на церемонию не пришли – не могли смириться с выбором сына. Братья тоже проигнорировали приглашение, но Надя не расстроилась, поскольку основная цель в ее жизни была достигнута. В Арзамас она навещалась нечасто. И всегда она.

«Эти москвичи такие снобы. Для них все, что находится за пределами МКАД, – мертвая зона», – удрученно думала Люда, напряженно вглядываясь вдаль.

Нейтральный голос из установленного на столбе громкоговорителя оповестил встречающих и провожающих о том, что поезд из Москвы задерживается на десять минут. Люда шагнула обратно под навес и вновь погрузилась в мысли о сестре. В прошлом году та решила попробовать себя в качестве учителя, но сделала это весьма оригинальным способом – первого сентября выдала себя за нее. Броская, стильная, ослепительно красивая она под восторженные улюлюканья старшеклассников гордо продефилировала к месту сбора пятого «А», выслушала напутственные речи директора и даже провела классный час. И надо сказать, что все прошло без сучка и задоринки, потому как они Людой были похожи как две капли воды. Домой милая обманщица вернулась с охапкой цветов и большущей коробкой конфет. Однако придирчивая администрация, привыкшая видеть Назарову Людмилу Валерьевну исключительно в строгих юбках ниже колен и мешковатых джемперах, не оценила ее винного цвета укороченный жакет

и белые приталенные брюки. Кара была жестокой. Квартальную премию Люды безжалостно урезали, а командировку в северную столицу России отменили.

«Ты получила "минуту славы", а я получила на орехи!» – возмущалась она.

«А что ты хотела? Красота требует жертв!» – лишь пожала плечами сестра.

Вот и сейчас, едва заметно притоптывая на месте, девушка чувствовала себя также как тогда: слабой и никчемной. Наконец на горизонте показался величественный серо-красный электровоз. Он неспешно полз по рельсам, таща за собой длиннющий состав. Люда натянула на лицо дежурную улыбку и приготовилась два дня изображать радость и веселье.

Сначала из вагона вышла деловитая, фигуристая проводница, а вслед за ней на перрон выпорхнула Надя. В угольно-черной шелковой блузке, обтягивающих джинсах и узконосых замшевых туфлях на высоченных каблуках. Не девочка, а картинка.

– Ну, здравствуй, младшенькая! – звонко пропела она.

– Ну, здравствуй, старшенькая! – парировала Люда.

Объятия были крепкими, но недолгими. Отстранившись от сестры, Надя критически ее осмотрела ее незатейливый наряд: горчичного цвета куртку, коричневые спортивные штаны и бежевые кроссовки. Улыбка Люды стала шире. Шире и неестественнее.

– Ты, как всегда, налегке? – преувеличенно весело спросила она.

– Все, что мне нужно, у меня с собой, – таинственно ответила Надя. – Ты сказала водителю, чтобы он подождал?

– Поезд опоздал, а время – деньги.

– Это потому, что он не фирменный, а проходящий.

– А я думала, что в твоей жизни проходящими бывают только люди, – пошутила Люда, вынимая из кармана куртки телефон, чтобы вызвать такси.

– Зачем? – удивилась Надя. – Вон сколько машин на парковке!

– Но это же бомбилы! Хочешь, чтобы нас ободрали как липку?

– Единственное, чего я хочу – это спать!

– А в вагоне ты что делала?

– Слушала стук колес.

– Почему бы тебе не сдать на права. Девушка за рулем всегда смотрится эффектно.

– Смотря за каким рулем. Образцы отечественного автопрома меня не впечатляют, а зарубежные – мне не по карману.

– А у Славы разве нет резервной? Я думала, он меняет машины каждый сезон.

По лицу Нади пробежала тень неудовольствия.

– Слава каждый сезон меняет любовниц, а машина у него одна, потому что ей он, в отличие от меня, верен.

Такого ответа Люда не ожидала.

– Но как он может? Ты же лучше многих! – с негодованием воскликнула она

– Ты тоже, а что толку! – вспылила сестра.

Люда оторопела.

– Прости, я не хотела сделать тебе больно, – виновато улыбнулась Надя. – Просто сейчас внешность уже играет не такую роль, как раньше. Нашим грешным миром правят деньги и связи. Если ты никто, и за душой у тебя ни гроша, не стоит рассчитывать на то, что принц на белом коне постучит в твою дверь. Хотя... из каждого правила есть исключения. И наглядный тому пример – я.

* * *

Старенькое «Шевроле» еле тащилось по узким извилистым улочкам. Люда откинулась на сиденье и закрыла глаза, смирившись с потерей четырех сотен, а Надя скупающим взглядом

проводила проплывающие мимо серые «хрущевки», бежевые «сталинки» и разноуровневые новостройки. Когда же машина остановилась у типовой панельной пятиэтажки, она царским жестом подала угрюмому водителю пятьсот рублей, и надменно бросив: «Сдачи не надо!», покинула салон. Но домой любительница пускать пыль в глаза не пошла. Ее целью были расположенные на всеобщем обозрении скрипучие подвесные качели.

– Решила вспомнить детство? – с улыбкой спросила Люда, присаживаясь на краешек песочницы.

– Нет, я хочу, чтобы местные кумушки полюбовались на шикарную столичную штучку!

– самодовольно ответила сестра.

– Да. От скромности ты не умрешь.

– Надеюсь, что я умру от старости, – Надя взялась руками за железные поручни-цепи и оттолкнулась ногами от земли. – Но я всегда на что-то надеюсь. Имя у меня такое.

* * *

Люда с третьего раза вставила ключ в замочную скважину – лампочка на площадке еще вчера перегорела, открыла дверь, щелкнула выключателем и отступила к стене. Надя переступила через порог и одобритительно присвистнула.

– Что ж, твой сюрприз удался, – скинув с ног туфли, она босиком прошла по новому графитовому линолеуму, любовно провела ладонью по светло-зеленым фактурным обоям, и, довольная, плюхнулась на темно-коричневый плюшевый диван. – Сколько у тебя ушло на ремонт? Я отдам половину.

– Не надо, – покачала головой Люда. – Племянник бабы Зины взял немного.

– Определенно он на тебя запал!

– Да ну тебя! – отмахнулась сестра.

– Не «да ну тебя», а бери быка за рога!

– Но мне всего двадцать пять!

– Через месяц будет двадцать шесть. А чем старше ты становишься, тем меньше у тебя выбор.

– Но мы же не средневековые живем! За последние годы средний возраст вступления в брак значительно увеличился! – не сдавалась Люда.

– Средний возраст, может и увеличился, но большинство мужчин от тридцати и старше ищут себе спутниц жизни лет этак на семь-десять моложе! Так что время не твой союзник!

Люда подавила тягостный вздох.

– И почему каждый наш разговор превращается в словесную баталию?

– Ты лучше спроси, почему я в ней всегда побеждаю! – парировала Надя.

* * *

– И что ты собираешься делать? – осторожно спросила Люда сестру.

– Убью его, – сверкнула глазами та.

– И что это изменит?

– В планетарном масштабе ничего, но на одного изменщика на Земле будет меньше!

– И это стоит того, чтобы треть жизни провести в тюрьме?

– Не пойман не вор.

– Ты меня пугаешь, – Люда чуть не выронила стакан с вишневым соком.

– Это не я тебя пугаю, это ты всего боишься, – возразила Надя и нравоучительно добавила. – Тебе нужно быть смелее. Бесхребетность до добра не доводит!

– Ты неисправима!

– Да, я живу по принципу: «Не нравится – меняй! Не меняешь – не ной!»

– Это я знаю.

– Но ты не знаешь, что мы со Славой уже месяц живем раздельно.

– Ты переехала? – изумилась Люда.

– Не я, а он, – фыркнула Надя. – Покидал вещи в багажник и укатил в Люблино. Ну и черт с ним! Ненадежный мужчина – источник проблем! И коренной москвич не коренной зуб! Мясо жестковато, ты не находишь?

– Мясо как мясо...

– Это свинина?

– Да.

– Шея?

– Окорок, – начала раздражаться Люда. – И с каких это пор ты стала такой привередливой?

Надя отложила вилку в сторону.

– Я не привередливая, а разборчивая. И я честна с тобой, а племянник бабы Зины нет.

– А причем тут племянник бабы Зины?

– Но ты же его тоже угощала этим блюдом?

– Да угощала! И оно ему понравилось!

– Ему не рагу твоё понравилось, а ты! – тут же вынесла вердикт Надя. – Но ты не смотри, что встречают по одежке. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

– Раньше ты говорила несколько иное!

– То, что я раньше говорила, к тебе до сих пор не относится.

– Откуда ты знаешь, какая я? – воинственно вздернула подбородок Люда. – Мы с тобой видимся два раза в год!

– Однойцевые близнецы связаны друг с другом незримой нитью. Все, что происходит в твоей жизни непременно отражается на моей и наоборот! – философски изрекла Надя.

– В таком случае завтра ты будешь потчевать меня ужином!

– Как скажешь, – безмятежно пропела сестра.

– С утра побежишь в магазин за мраморной говядиной? – Люда бросила шарик из хлебного мякиша в тарелку с рагу.

– Ничего подобного! – победно улыбнулась та. – Завтра мы с тобой отправимся в Нижний Новгород. Сходим в зоопарк, прогуляемся по «Швейцарии», а под занавес отобедаем в самом лучшем ресторане города. Гулять, так гулять!

* * *

Люда лежала на спине и любовалась люминесцентными звездами. Эти светящиеся в темноте интерьерные наклейки ей подарила бабушка на шестнадцатилетие, и вот уже десять лет их призрачное синеватое свечение подпитывало ее веру в волшебство. Раз в месяц она выбирала одну и загадывала желание. И, что удивительно, в скором времени оно обязательно сбывалось. Может, из-за того, что она загадывала что-то непритязательное, а может, потому, что чудеса в ее жизни и правда случались.

Девушка повернула голову на бок и посмотрела на дверь. В школьные и студенческие годы они с Надей всегда секретничали перед сном. Вот и сегодня она с нетерпением ждала их доверительных перешептываний. Однако время шло, а кровать у стены, застеленная бордовым жаккардовым покрывалом, продолжала пустовать: целый час сестра принимала ванну, а потом примерно столько же беседовала с кем-то по телефону.

«Ну, сколько можно ждать!»

На долю секунды на тонкую полоску света между полом и дверью легла тень.

«Похоже, наша маленькая традиция превратилась в приятную ностальгию, – с грустью подумала девушка. – Но может оно и правильно, что Надя не желает посвящать меня в свои секреты. Изольешь один раз душу, и станешь уязвимой, а успешный человек не должен быть уязвимым. Он должен быть сильным и уверенным в себе... Так, кажется, говорят современные психологи...»

Люда снова посмотрела на потолок, протянула руку вверх и загадала очередное желание. Она знала, что оно не сбудется, но все равно загадала. Ведь для того, чтобы дотянуться до звезд, ей было достаточно просто встать на стул...

* * *

Потирая кулаками слипшиеся глаза и зевая, Люда вошла на кухню. Сначала она не поняла, что произошло. Она сонно смотрела, а ее не до конца пробудившийся мозг с трудом перерабатывал поступающую в него информацию. Вот массивный деревянный стол, застеленный оливкового цвета скатертью. Рядом – бежевые венские стулья с мягкими сидениями. Вот полипропиленовый ковер с изображенными на нем кофейными зернами. А на ковре лицом вниз лежит Надя.

– Надя? – прошептала Люда, чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног.

Молчание.

– Надя?

Нет ответа.

– Надя!

Тук-тук. Тук-тук – бешено колотилось в груди у Люды сердце. Тик-так. Тик-так – круглые настенные часы неумолимо отсчитывали время.

Тик-так. Тук-тук. Мертвый звук и живой. Тик-так. Тук-тук. Извне и изнутри. Тик-так. Тук-тук. Все громче и громче. Тик-так. Тук-тук. Все ближе и ближе. Опираясь на стену, Люда подошла к столу, присела на корточки и, преодолевая страх, приложила средний и указательный пальцы к внутренней стороне запястья сестры...

Тик-так – колотилось ее сердце. Тук-тук – тикали часы. А пульса у Нади не было.

* * *

Они появились на свет первого октября с разницей в две минуты. Две хорошенькие, розовощекие, спокойные девочки. Одинаковые внешне и разные внутри.

«Твой успех – мой успех. Твоя боль – моя боль. Ты падаешь – я лечу следом...» – так говорила Надя, когда хотела ее поддержать.

«Надя...»

Люда зажала рот ладонью, заглушая рвущиеся из груди рыдания.

«Надо кому-нибудь позвонить. Но кому? Тетя Нина в санатории в Минске. Баба Зина у дочери в Нижнем Новгороде. Слава в Москве... Слава. Слава. Чертов Слава!»

За два года она... о муже сестры. Вячеслав был для нее лишь красивым приложением к сестре. Или как вчера сказала Надя: «Приложением, перешедшим в режим ограниченной функциональности».

«А сегодня мне предстоит его активировать. Нельзя же не сообщать мужу о смерти жены. Или можно? Они же собираются развестись...»

Люда встала на ноги и, пошатываясь, вышла в прихожую. Взяла с тумбочки Надин Айфон и замерла. Восемь лет назад она уже проживала нечто подобное. Только день был другой: не прохладный осенний, знаменующий скорое приближение холодов, а теплый, майский, наполненный пьянящими ароматами сирени. Бабушка с пяти утра хлопотала у плиты: пекла их люби-

мые ватрушки с творогом и мини-пирожки с вишневым повидлом. А после заварила душистый чай и прилегла ненадолго отдохнуть...

Тогда Люда тоже сначала ничего не поняла, а вот Надя поняла сразу и сразу же начала действовать. Скорая, участковый, похоронная служба... Она подолгу разговаривала с разными людьми, подробно отвечала на вопросы, обзванивала ее коллег и знакомых...

Но теперь ей предстояло все делать самой: самой дрожащими пальцами набирать 103, самой слушать длинные-предлинные гудки: один, второй, третий...

– Служба срочной медицинской помощи. Что у вас случилось? – бесстрастно осведомился диспетчер.

– М-моя с-сестра... к-кажется, он-на... н-не дышит, – сбивчиво произнесла Люда.

– Сколько лет вашей сестре?

– Д-двадцать п-пять.

– Ваш адрес.

Люда закрыла глаза.

– Нижегородская, один, квартира один.

– Как зовут вашу сестру?

Но Люда не слышала. Она видела. Видела свое ближайшее будущее. Пахнущие лаком и свежей краской школьные коридоры, продуваемый всеми ветрами угловой класс, требовательного завуча по учебной части, своенравных учеников и их придирчивых родителей, бесконечную бумажную волокиту: отчеты, планы, графики, конспекты, курсы повышения квалификации, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ...

– Девушка, вы меня слышите?

Но Люда уже принимала соболезнования.

«Крепись, дорогая, крепись! Остаться одной – это так страшно...»

Проклятый Айфон гирей оттягивал ладонь.

«Наде бы никто не посмел сказать подобное. Надю все любили. Надю все уважали. Надю все боялись. Меня же все жалеют и используют. Исполнительная, ответственная, покладистая, безотказная. Идеальная рабыня. Идеальная неудачница. Идеальная жертва...»

– Девушка, как зовут вашу сестру? – повторил оператор, но Люда уже думала о Славе.

Высокомерном, эгоистичным, самоуверенном. Славе, которого она видела один раз в жизни. Славе, с которым Надю связывала лишь фамилия...

– Девушка, как зовут вашу сестру?

«Нельзя ничего изменить, ничего не меняя...»

– Ее зовут... – Люда закрыла глаза и сказала совсем не то, что собиралась. – Назарова Людмила Валерьевна.

* * *

Следующие три дня слились для Люды в один – бесконечно длинный и сумеречный. Она не замечала смены времен суток. Плохо спала. Мало ела. Разговаривала только по необходимости. Со смертью сестры ее жизнь превратилась в затянутый серым маревом коридор. Коридор-ловушку. Коридор-лабиринт без начала и конца. А она шла по нему – нет, не шла, плелась. Медленно, на ощупь. И с каждым пройденным шагом туман лишь сильнее сгущался, и ей все больше казалось, что она стоит на месте.

С организацией похорон вызвалась помочь отзывчивая баба Зина. Ее предприимчивый племянник Николай тоже принимал участие, но держался в стороне – Надю он всегда немного стеснялся. Зато коллеги, соседки и одноклассницы наперебой спешили выразить ей свои соболезнования. Они больше не боялись за своих парней, мужей и братьев, поэтому их скорбь была почти искренней. И Люда делала вид, что верит. Позволяла себя обнимать, принимала кон-

верты, выслушивала слова утешения, но взгляд ее при этом не выражал ничего кроме бездонной пустоты.

Говорят, глаза – зеркало души. И если бы кто-нибудь присмотрелся повнимательнее, то увидел бы, что в душе у нее зияет большая дыра. Дыра, которую не зашить. Дыра, на которую не наложить заплатку. Дыра, которая должна затянуться сама. А затягиваться она будет долго – годы, а, возможно, и десятилетия. Но даже когда это произойдет, когда прошлое, вдоволь наигравшись с настоящим, милостиво отступит в тень, там, на свету, останется шрам. И этот шрам: грубый и уродливый, будет служить ей напоминанием о том, что второго сентября две тысячи двадцать шестого года она лишилась половины души...

В Надином рюкзаке Люда нашла паспорт, ключи от квартиры, миниатюрный текстильный кошелечек и зеленый бархатный мешочек с бижутерией. Украшение ей понравилось, но массивные цепочки она не носила, поэтому решила положить ее в гроб («Должна же я хоть что-то оставить сестре»).

...Гнетущую атмосферу разорвала переливистая трель.

– Наденька, у вас звонит телефон, – ласково погладила ее по плечу баба Зина.

Люда открыла сумку и достала из нее Надин Айфон. Вместо имени высветился незнакомый номер, первые цифры которого соответствовали федеральному коду столицы.

«Ответить – значит нырнуть в море лжи. Не ответить – вызвать подозрения. Эх, была не была...»

– Надежда Валерьевна?

Это был не вопрос, а утверждение.

– Да, – боязливо ответила девушка. – А кто это?

Секундная заминка.

– Савельев Егор Юрьевич, следователь следственного отдела ОМВД России по Таганскому району, – представился говорящий. – Вы сейчас в городе?

Люда присела на кованую скамейку у соседнего надгробия.

– Нет, я на родине, в Арзамасе. Приехала на похороны сестры.

И снова пауза.

– Сочувствую вашей утрате, – то ли смешок, то ли просто закашлялся. – Но у меня для вас еще одна плохая новость.

«Еще одна плохая новость?»

В ушах у девушки зашумело.

– Ваш супруг – Абрамов Вячеслав Аркадьевич скоропостижно скончался.

* * *

Фирменный вагон мерно покачивался на рельсах. Люда лежала на верхней полке, отвернувшись к стене. Лямки Надиного рюкзака свисали с сетки, как петли. Кроме него никаких вещей она с собой не взяла, в расчете на то, что долго в Москве не пробудет. Ну, а если ей и придется задержаться, то она всегда сможет воспользоваться одеждой и обувью сестры. Так, создавая иллюзию частичной сопричастности, девушка старалась убедить себя в том, что не совершает ничего предосудительного.

«Родители Славы даже не соизволили сообщить Наде о его смерти, а утаивание информации – это разновидность лжи. Так что мы квиты. Они солгали и я солгу...»

Но ее шаткая уверенность то и дело сменялась приступами дикой паники.

«Ну что я за дура! Как я могла так безрассудно поступить?» – ругала себя она.

«А я тебе скажу как! – сказала бы Надя. – Когда тебя черт попутал выдать себя за меня, ты наивно полагала, что все, что от тебя потребуется – это подать через портал Госуслуг заявление на расторжение брака...»

«Абрамова Надежда Валерьевна. Теперь я Абрамова Надежда Валерьевна. Другой человек, с другим именем и фамилией. С другим характером, другими привычками и другими ценностными ориентирами. Об этом нужно помнить. Об этом нельзя забывать. Одна маленькая ошибка грозит обернуться большой бедой...» – как мантру повторяла про себя Люда.

А поезд мчался в ночь, навстречу туманной неизвестности. На столике в граненом стакане мелодично позвякивала алюминиевая чайная ложечка. На противоположной полке мирно похрапывал пожилой мужчина. В окно свирепо бился ветер. Девушка натянула на голову одеяло и закрыла глаза. Больше всего на свете ей хотелось уснуть и проснуться в какой-нибудь другой реальности. В той, в которой всегда оказывались герои фантастических книг и сериалов, когда их жизнь летела под откос.

Глава 2

Казанский вокзал был похож на гигантский муравейник. Встречающие, провожающие, носильщики с тележками, пассажиры с громоздкими чемоданами. Все они двигались в разных направлениях, с разными целями и с разной скоростью. Сталкивались, обгоняли друг друга, возвращались назад и снова бежали вперед. Опаздывали, догоняли, искали, находили. Стоило Люде сойти на перрон, как этот саморегулирующийся людской поток, подхватил ее и увлек за собой.

– Надежда? – откуда-то сбоку вынырнул высокий, хорошо сложенный мужчина и схватил ее за руку. – Я же просил вас подождать меня у вагона.

Девушка исподлобья взглянула на собеседника.

– А я говорила, что доберусь сама.

«А он ничего. Темноволосый, кареглазый...»

– Все говорят, что я слишком красив для полицейского, – постарался разрядить обстановку Егор.

– Все, это кто? – сама не зная зачем, спросила Люда.

– Все, это все.

Девушка зарделась и ускорила шаг.

– Где ваша машина?

– У «Комсомольской», – следователь в два счета нагнал ее и пристроился рядом.

Подгоняемые толпой они вышли к станции метро. Люда пробежала глазами по автомобильному ряду и обернулась к своему спутнику. Чуть улыбнувшись, Егор подошел к темно-синей «Тойоте» и галантно открыл ей дверцу. Помешкав секунду, девушка забралась в теплый салон и попыталась пристегнуться ремнем безопасности, но у нее ничего не получилось.

– Кнопка замка западает, – объяснил мужчина. – Надо бы починить да все недосуг, но не переживайте, я хорошо вожу.

Не зная, что ему сказать, Люда без энтузиазма принялась рассматривать городской пейзаж. В столице она была всего раз – на Надиной свадьбе. Но тогда она так сильно нервничала, что не видела ничего из того, что они сейчас проезжали.

«Альфа-Банк – для умных и свободных», – гласила вывеска на одном из высотных зданий.

«А я – неумная и несвободная», – с горечью подумала девушка.

– Простите за невежливость, но от чего умерла ваша сестра? – не сводя глаз с дороги, спросил Егор.

– Тромбоэмболия легочной артерии, – на автомате ответила Люда.

– Это...

– Острое нарушение кровообращения, вызванное отрывом тромба.

– Да, молодость – не синоним здоровья, – вздохнул Егор.

Остаток пути ехали молча.

Следственный комитет находился на третьем этаже обычного кирпичного жилого дома. Егор шел впереди. Его широкая спина закрывала девушке весь обзор, но Люда была рада. Смотреть на стенды с объявлениями о пропавших людях и разыскиваемых преступниках было выше ее сил.

– Чай? Кофе? – предложил следователь, когда они вошли в кабинет.

– Если можно, то чай, – тихо сказала Люда, присаживаясь на краешек стула. – А что случилось с моим... мужем?

Егор пытливо посмотрел на нее.

– Когда вашего мужа обнаружили, то от него, простите, почти ничего не осталось. Сложно сказать, когда именно наступила смерть, но на связь он не выходил девять дней. Столько же не заказывал продукты на дом. Скорость разложения тела в закрытом помещении зависит от множества факторов, но чем выше температура, тем быстрее происходит процесс.

К горлу Люды подступила тошнота.

– Я понимаю ваши чувства, но приносить людям плохие известия часть моей работы, – Егор поставил перед ней кружку с кипятком и упаковку с чайными пакетиками. – По нашим предположениям ваш муж умер от сердечного приступа, вызванного алкогольной интоксикацией.

– А что показало вскрытие? – не разжимая губ, спросила девушка.

– Родители вашего супруга отказались от проведения аутопсии, да и она была бы малоинформативной, – последовал незамедлительный ответ.

«Так вот почему Абрамовы мне ничего не сказали! Они боялись, что я буду настаивать на судемедэкспертизе...» – догадалась Люда.

– Надежда Валерьевна, вы с мужем собирались развестись?

Этот вопрос был вполне ожидаемым, но внезапным.

– Для начала мы решили просто пожить отдельно, – тщательно подбирая слова, сказала она.

Она думала, что Егор спросит, кто конкретно из супругов принял это решение, но вместо этого он открыл серую картонную папку и достал из нее фотографию.

– Вы когда-нибудь видели эту девушку?

Люда взяла снимок в руки.

«Стройная платиновая блондинка с томным взглядом, матовой кожей и фигурой, как у модели. Кто она? Славина любовница? Дочь партнеров его родителей или просто случайная знакомая...»

– Она какая-то вся ненастоящая... Волосы крашенные, губы накаченные, на лице тонна косметики. Может, мы и встречались когда-то... У вас есть другие фотографии, чтобы я могла сравнить?

– Постараюсь найти, – следователь убрал фотографию обратно в папку. – И, извините за то, что побеспокоил вас в такой день.

Люда покрутила на пальце «свое» обручальное кольцо.

– Напротив, я вам очень благодарна. Без вашего участия я бы не успела проводить мужа в последний путь.

Егор тоже перевел взгляд на ее правую руку.

– Тогда надеюсь, вы позволите мне отвезти вас на церемонию прощания?

Девушка хотела вежливо отказаться, но что-то в его голосе подсказало ей, что этого делать не стоит.

* * *

Люда не знала, как ей следует себя вести с родителями Славы.

«Если я скажу им: мама, папа, это так ужасно и упаду на крышку гроба это будет выглядеть неправдоподобно. Если буду угождать – это будет выглядеть жалко. А вот если я буду держаться в стороне, может, все и обойдется. В конце концов, Надя всегда была для них пустым местом...»

Неумело пряча страх за маской горя, девушка на негнущихся ногах вошла в траурный зал.

Каблуки фирменных туфель гулко стучали по мраморному полу, напоминая ей о том, что у нее нет права на ошибку.

– Успела все-таки? – с ходу напустилась на нее мама Нина Дмитриевна. – Убирайся отсюда, вероломная, алчная с...

– Славина жена, – закончил Олег. – Точнее, вдова.

– Замолчи! – цыкнул на сына Аркадий Семенович. – А тебе, – смерил он Люду хмурым взглядом. – Лучше уйти.

* * *

Плеснув себе в лицо пригоршню холодной воды, Люда вцепилась руками в края раковины так, что побелели костяшки пальцев. Новые обиды разбредили старые раны.

«Да, я лицемерная мошенница, но Надя-то в чем перед ними провинилась? В том, что позволяла себя не замечать и терпела измены ее заносчивого сыночка?»

Скрипнула дверь, и в уборную вплыла миниатюрная шатенка.

– Думаешь, раз увела у меня одного жениха, то уведешь и второго?! – зло прошипела она. – Смею тебя разочаровать, Вадиму кошки дранные ни к чему. Так что не трать зря время!

Люда апатично взглянула на вошедшую: искусный макияж, французский маникюр, гладкие, отливающие медью волосы.

«Наверное, это Юля – бывшая Славина невеста...»

– Дай пройти, – безэмоционально сказала она.

– Попроси повежливее, – враждебно усмехнулась «соперница».

– Дай пройти.

– Так ты поняла, что я сказала? – продолжала нападать Юля. – Если ты будешь крутиться вокруг Вадима, то я превращу твою жизнь в ад!

– В ад? – Люда еле сдерживалась, чтобы не наругать. – А ты хоть знаешь, что это такое?

* * *

Церемония прощания уже закончилась, но самое тяжелое было еще впереди.

– Надежда! – вышедший из траурного зала Вадим едва не сбил Люду с ног. – Ну почему же вы нам ничего не сказали! Если бы не Егор Юрьевич, мы бы так и не узнали о постигшем вас несчастье, – в голосе мужчины прозвучали укоризненные нотки.

– Да, если бы не Егор Юрьевич, я бы тоже не узнала о постигшем меня несчастье, – сухо ответила девушка.

– Вы правы, этот человек наша палочка-выручалочка, – Вадим шагнул вперед, вынуждая ее прижаться спиной к железным перилам. – Но я бы хотел принести вам извинения за сегодняшний инцидент. События последних дней всех нас сильно подкосили. Вот мама и потеряла самообладание... И... Надежда, я не прошу вас забыть, я прошу вас на время закрыть глаза.

Люда покраснела. Но не из-за того, что он сказал. Просто его внешность: волнистые каштановые волосы, проникновенные цвета горького шоколада глаза, обаятельная улыбка как-то странно действовали на нее. А то, насколько близко он от нее стоял...

«Если я шагну вперед, то уткнусь лбом ему в грудь» – в смятении думала она.

– Вадик, ну ты идешь? – капризно крикнула Юля.

– Надежда, вы с нами? – Вадим слегка коснулся рукой Людиного запястья.

Девушка вспыхнула.

– Спасибо, но я доберусь сама.

– Бог с вами, мы же не чужие! – мужчина деликатно взял ее под локоть и решительно подвел к семье.

Нина Дмитриевна отвернулась. Аркадий Семенович притворился, что не заметил. Олег открыто проигнорировал. Лишь глаза Юли метали молнии. И от этих летящих во все стороны

искр, Люда на один короткий миг почувствовала свое превосходство над ними всеми: богатыми, чванливыми и несчастными.

А через час они все стояли у свежевырытой могилы. Пять объединенных общим горем людей. В черных одеждах. На черной земле, под черными куполами зонтов. Рядом, но не вместе. Летние туфли Люды вязли в глинистой почве. Пронизывающий ветер раздувал блузку как парус. Мокрые джинсы липли к ногам, а она смотрела на Славин портрет и еще на десятки лиц, взирающих на нее с омываемых дождем надгробий.

«Через год я тоже поставлю себе памятник. Из мрамора или из гранита. Классический, а может и фигурный... Какой больше подойдет непритязательной провинциальной учительнице?»

Люда пошатнулась. Вадим подхватил ее под руку.

– Надежда, вам нехорошо?

Девушка посмотрела на него отрешенным взглядом.

– Жителей каменного города не обмануть.

– Что, простите? – на лице мужчины отразилось недоумение.

– Они все знают.

– Что знают? – мягко спросил Вадим, накидывая ей на плечи свой пиджак.

«Что мертвой не место среди живых».

– Что смерть – это не конец, а начало.

Юля насупилась. Олег сплюнул. Аркадий Семенович вздохнул. Нина Дмитриевна отвернулась. В ветвях шумел ветер, а может, это кто-то там наверху, напевал заунывную песню о бренности бытия.

* * *

Поминальная трапеза проходила в полной тишине. Люда не была голодна, но после первой съеденной ложки борща в животе у нее предательски заурчало. Юля злорадно усмехнулась. Вадим подал ей бутерброд с копченым мясом. Олег достал из кармана куртки пачку сигарет и вышел из-за стола. Мать бросила на него осуждающий взгляд, но не проронила ни слова. Подождав пару минут, Люда тоже встала.

– Прошу меня извинить, но мне нужно идти.

– Надежда, ну куда же, на улице льет как из ведра, – попытался задержать ее Вадим.

– Пусть идет, – проскрипела Нина Дмитриевна.

– Мама, перестань!

– Пусть идет!

– Надежда, я вас отвезу, – Вадим приподнялся с места.

– Не надо, я вызову такси, – остановила его Люда.

– Но...

– Сядь! – приказал Аркадий Семенович.

– Но папа...

– Она же сказала, что доберется сама! – кукольное личико Юли исказилось от гнева.

– Не лезь, куда не просят, – Вадим еле сдерживался.

– Прошу вас, не устраивайте сцен! – взмолилась Нина Дмитриевна.

– А я люблю словесные перепалки!

Люда обернулась – на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, стоял Олег.

– Я тебя подвезу, – лениво произнес он. – Только прихвати какой-нибудь снеди на дорожку. Путь-то предстоит не близкий.

– В самом деле, Надежда, поезжайте с Олегом, – посоветовал Аркадий Семенович. – Общественный транспорт здесь ходит редко.

Девушка почувствовала себя загнанной в ловушку.

– На, Красная шапочка, забирай и проваливай! – Юлия сунула ей в руки пакет с пирожками и бутербродами, и Люде ничего не осталось, как покорно последовать за Олегом.

* * *

Третий раз за день Люда ехала в машине с незнакомым мужчиной и из всех поездок эта нравилась ей меньше предыдущих. «Ауди» летела как стрела, но девушка не решалась попросить Олега снизить скорость – младший брат Славы был крайне ей неприятен. Весь его облик: ироничная полуулыбка, лукавый прищур карих глаз, взъерошенные светло-русые волосы, неуместный гардероб (спортивный пиджак, штаны-шаровары и футболка с черепами) – кричал о непомерном самомнении и пренебрежении к окружающим.

«В свои двадцать два он, наверное, считает, что знает о жизни все, – неприязненно думала Люда. – Но хоть в душу не лезет и на том спасибо».

Через полчаса, и зеленые перелески стали перемежаться с автозаправочными станциями и шиномонтажными мастерскими, а на горизонте показались размытые силуэты серых высот. По мере приближения дома становились выше, дороги расширялись и вились кольцами, и не отпускавшее Люду весь день напряжение стало понемногу спадать. Она даже поймала себя на мысли о том, что с интересом рассматривает разворачивающийся перед ней городской пейзаж.

Когда машина припарковалась у парадного входа элитного жилого комплекса, солнце зашло за горизонт. Пробормотав слова благодарности, Люда отстегнула ремень безопасности и потянула ручку, но дверь не открылась.

– Уже уходишь?

Девушка вопросительно повернулась к Олегу. Тот плутовато улыбнулся и положил руку на спинку ее сиденья.

– Я соскучился.

«Соскучился?»

Сердце у Люды ухнуло куда-то вниз.

– Разблокируй дверь, – не слыша себя, сказала она.

– И это все, что ты мне скажешь?

– Разблокируй. Пожалуйста. Дверь, – стараясь придать голосу твердость, повторила она.

– Да ладно тебе! Сколько мы с тобой не виделись? Три недели, четыре? – рука со спинки кресла незаметно переместилась на ее плечо.

Теплая, властная и слишком тяжелая. Мысли у Люды в голове закрутились, как белки в колесе.

«Как же быть? Отшутиться? Рассердиться? Возмутиться?»

– Сейчас не самое удачное время, – попробовала увильнуть она.

– А я так не думаю, – вкрадчиво проворковал Олег, наматывая на палец золотистую прядь ее волос. – Ты расстроена, я расстроен. Мы могли бы друг друга утешить.

– Но... я очень устала и хочу спать...

– Так в чем проблема, – парень заговорщически улыбнулся и притянул девушку к себе. – Тебе же нравилось засыпать в моих объятиях.

Его большие горячие ладони бесцеремонно заскользили по ее спине. То выше, то ниже. От затылка к пояснице и обратно. А Люде казалось, что это связывающая их с Надей нить опутывает ее с ног до головы, сковывая движения, подавляя волю, навязывая ложные чувства.

– Я... давай не сегодня... я... тебе позвоню... – проблеяла она, делая попытку высвободиться из его тисков.

– Позвонишь? – Олег крепко ухватил ее за подбородок и приподнял лицо, заставляя посмотреть ему в глаза. – А ты хоть знаешь мой номер, девочка?

Люде очень хотелось сбросить с себя его руку, чтобы разорвать этот вынужденный зрительный контакт, но она боялась, очень боялась, что сконцентрированная на кончиках его шероховатых пальцев злость вырвется наружу.

– Я... я... – слова камнями застревали у нее в горле.

– В данном случае местоимение я не несет в себе никакой смысловой нагрузки, – теперь голос парня отдавал сталью.

– Я... я... – губы у девушки задрожали.

Олег раздраженно скривился и отпустил ее.

– Ну, здравствуй, Людмила.

После этого мир должен был либо перевернуться, либо сузиться до одной точки, но он почему-то остался прежним.

– Я Надя, – прошептала Люда, втягивая голову в плечи.

– Надя?! – гаркнул Олег, ударяя кулаком по рулю. – Да я с твоей сестрой за два года и парой фраз не перебросился, а ты без малейших колебаний подыграла мне вслепую!

Девушка вздрогнула и еще сильнее втянула голову в плечи.

– Я Надя...

– Докажи.

Люда оцепенела.

– Месяц назад Надя сделала себе татуировку в виде бабочки. Прямо над пупком. Ты разве не видела фотографии в соцсетях? – парень по-хамски положил руку ей на талию, и, сжав пальцами тонкий шелк, выдернул полы блузки из-за пояса ее джинсов.

Девушка пронзительно взвизгнула и прикрыла оголенный живот руками. Олег недобро прищурился.

– Вот черт! А я думал, такое только в фильмах бывает!

С минуту он смотрел, как дворники с шумом разгоняют по стеклу дождевые капли, а затем холодно произнес.

– Значит так, НеКонтактная ты наша, у тебя есть неделя на то, чтобы отказаться от наследства и навсегда исчезнуть из нашей жизни. Если ты этого не сделаешь, то пеняй на себя. Вопросы есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.